

КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ И НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

CHINESE TRADITIONAL HOLIDAYS AND FOLK CUSTOMS IN THE POETRY OF RUSSIAN FAR EASTERN EMIGRATION

**S. Burdina
He Tingting**

Summary: The authors of the article aim to show how the holidays and customs traditional for China were artistically embodied in the work of Russian emigrant poets. It is established that special attention is paid by poets to the celebration of the Chinese New Year, the customs of worship of the gods, respect for ancestors, the naming of newborns, etc. Looking at the works of A. Parkau, A. Nesmelov, V. Loginov, V. Pereleshin, L. Khaandrova, M. Shcherbakov, the authors of the article prove that such attention to Chinese culture speaks of the deep love of poets for this country, gives readers the opportunity to learn about its beauty and wealth.

Keywords: poetry, russian far eastern emigration, chinese culture, chinese traditional holidays, chinese folk customs.

Бурдина Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
svburdina@gmail.com

Хэ Тинтин

Аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет
heting120@gmail.com

Аннотация: Авторы статьи ставят целью показать, как художественно воплотились в творчестве русских поэтов-эмигрантов традиционные для Китая праздники и обычаи. Устанавливается, что особенное внимание уделяется поэтами празднованию китайского Нового года, обычаям поклонения богам, уважения к предкам, наречения новорожденных и др. Обращаясь к творчеству А. Паркау, А. Несмелова, В. Логинова, В. Перелешина, Л. Хаиндровой, М. Щербакова, авторы статьи доказывают, что подобное внимание к китайской культуре говорит о глубокой любви поэтов к этой стране, дает читателям возможность узнать о ее красоте и богатстве.

Ключевые слова: поэзия, русская дальневосточная эмиграция, китайская культура, китайские традиционные праздники, китайские народные обычаи.

Китайские традиционные праздники и народные обычаи оказали глубокое влияние на русских поэтов дальневосточной эмиграции. В Китае они окупились в совершенно новую для них атмосферу, когда «пальто превращаются в халаты, костюмы – в суконные куртки, люди едят не хлеб, а рис и паровые булочки...» [7, с. 13]. Мотивы и образы традиционных праздников можно встретить во многих стихотворениях эмигрантов. Самый известный китайский праздник – Новый год – описан в стихотворениях «Новый год Китая» (1929) Н. Светлова и «Лунный новый год» (1931) А. Паркау, китайский сельскохозяйственный календарь (节气) – в стихотворении А. Паркау «По китайскому календарю» (1937), упоминание о жертвенном пении с молитвой о дожде можно обнаружить в стихотворении А. Несмелова «В лодке» (1942), молитвы богам о мире – в стихотворении В. Логинова «На Сунгари» (1930), о традиции наречения новорожденных говорит в «Заблудившемся аргоняте» (1946) В. Перелешин, а культура народного поклонения предкам находит отражение в «Китайской пашне» (1940) Л. Хаиндровой и «Женьшене» (1922) М. Щербакова.

Будучи самым важным праздником в Китае, Новый год хранит в себе тысячелетнюю историю и традиционные обычаи страны, символизирует единство и процветание и вселяет надежды на будущее. В своих произведениях русские поэты-эмигранты описывали

оживленное празднование на улицах при ночных огнях: зрелищные сцены танцев дракона и льва, многочисленные храмовые ярмарки и запуски разноцветных фейерверков.

В стихотворении «Лунный Новый год» А. Паркау рассказывается, как китайцы празднуют Новый год. Она описала жизнь простого китайца в соответствии с традициями празднования «Лунного Нового года», начиная от религиозных обрядов, церемонии поклонения богам до изображения праздничного застолья, фейерверка, запуска ракет. Эти детали прекрасно передают настроение праздника [6, с. 148].

Жизнь в Китае позволила А. Паркау почувствовать разницу между китайским и российским Новым годом:

В синих плосках клейкие пельмени,
Убраны дракончиками нары,
И цветы, и звери в пестрой смене
Женских курм расцвечивают чары.

Но внезапно отдых благодушный
Оглушает громом канонада,
Роят снег фонтаны искр воздушных,
Ленты улиц, точно жерла ада.

.....

И, покончив с традиционной встречей,

Объятые праздничным туманом.
Коротают новогодний вечер
И хозяева, и гости за маджаном [4, с. 68].

Поэтесса показывает читателю все детали этого радостного дня: китайцы едят пельмени, вышивают простыни с изображениями драконов, символизирующих власть, надевают красивую новую одежду, и играют в игры – маджан. На улицах зажигаются петарды и фейерверки. А. Паркау не случайно считают этнографом. Ее не только волнуют внешние приметы празднования китайского Нового года, но – в не меньшей степени – интересует его история, легенды и связанные с ними традиции [12, с. 79]. А. Паркау описала китайские народные нравы и обычаи следующим образом:

Солнце село над кольцом строений,
Зимний вечер благостен и мирен,
Тонкий дым сжигаемых курений
В окнах фанз и у камней кумирен [4, с. 68].

Во время лунного нового года китайцы обычно поклоняются богам и надеются, что их будущее будет благополучным и счастливым. Подобным же образом в стихотворении Н. Светлова «Новый год Китая» описываются радостная атмосфера и традиционные обычаи китайских гуляний в канун Нового года: бой в гонги, барабаны, звучание скрипок и труб, танцы, запуск петард, приветствие «Синь-нянь».

Ночь морозная, крутая...
Завтра – Новый год Китая!
Трррам-там-там!.. Таррам-там-там! –
Раздается здесь и там.
Это лихо в барабаны
От вина и шума пьяный
Бьет китайский весь народ,
Провожая старый год.
Звуки скрипок, труб и гонга
Отбивают такты звонко,
И растет, растет экстаз,
Увлекая в дикий пляс.
В небе, точно громы пушек,
Сотни рвущихся хлопушек,
Трах!., тах-тах!.. Тах!.. Тах!.. Тах-тах!
Так что звон идет в ушах...
Это духов злых и вредных
От своих фанзёшек бедных
Гонит прочь китайский люд,
Чтобы в доме был уют,
Чтобы светлых духов сила
Торговать им пособила,
Чтобы всем чертям назло
Им во всем бы повезло.
И, живя в столь сладких грезах,
Ходят все в блаженных позах,
Говоря (как на Руси!)
Встречным всем: «Синь-нянь! Синь-си!» [5, с. 587].

В этот священный момент люди молятся Богу, чтобы он благословил все их дела, послал процветание, наполнил оптимизмом в отношении настоящего и будущего. В конце стихотворения упоминаются слова приветствия «Синь-нянь» – «Новый год» всем, кто их приветствует, – «как на Руси!». Поэт чувствует близость этих праздников в Китае и России, однако в настоящий момент он глубоко интегрирован в атмосферу китайского Нового года и ощущает себя счастливым. По китайским представлениям, поклонение и молитвы богам происходят не только в дни праздников, они проходят и через повседневную жизнь людей.

В стихах В. Логинова «На Сунгари» описывается традиционный китайский народный обычай: люди молятся богам о мире и благополучии:

Как бурность – городу, здесь ясность дорога.
Здесь созерцание гласит закон негромкий.
Здесь молишься душою всем богам [5, с. 587].

В стихотворении А. Несмелова «В лодке» также описывается обращение людей, молящих о дожде, к богам:

Как высоко лодочку маньчжура
Поднимает встречная волна.
Он поет. «К дождю поют китайцы» –
Говоришь ты: есть на всё ответ [5, с. 139].

Не всегда китайские традиции связаны с теми, кто еще жив. Примечательно с этой точки зрения творчество Л. Хаиндровой. Тема памяти играет важную роль в ее лирической поэзии. Как замечает А. Арустамова, «особенностью ее творчества является умение привнести то, что она чувствует, в свой внутренний мир и передать это читателям» [1, с. 94]. В стихотворении «Китайская пашня» поэт вспоминает традиционный китайский народный обычай похорон людей в полях, благословления урожая и будущих поколений. Эти описания призваны передать чувство глубокого уважения к предкам.

В книге, посвященной Харбину, Е. Таскина, исследователь истории русских эмигрантов в Харбине, высоко оценила стихотворение Л. Хаиндровой. «Она реагирует на мудрость китайского народа в поклонении своим предкам» [9, с. 94], – замечает исследователь. Стихотворение наполнено благодарностью китайским обычаям, восхищением семейными традициями и верованиями китайского народа. В начале произведения образ пашни, созданный поэтессой, отражает тесную связь земли, семьи и предков в традиционной китайской культуре, а также является символом, который отражает эмоциональность народа и показывает, насколько велико почитание ими традиционных верований.

Осторожней проходи по пашням:
Мирно спят здесь прадеды твои,
Охраняя твой посев вчерашний
Всем долготерпением любви [10, с. 66].

Китай – страна, в которой преобладает сельскохозяйственная культура. Специфические народные обычаи захоронения предков в полях обусловлены особым уважением к земле и своим корням:

Мудрость предков и покой земли.
Никакое не осилит горе
Тех, что слиться с пашнями смогли.
Дедовские холмики средь пашен.
Густо покрывает их трава –
Без гранитных усыпальниц, башен,
Шепчут внукам вещие слова.
Наклонившись над холмом убогим [10, с. 66].

Мудрых предков хоронили именно на пашнях, что символизирует завершение определенного цикла жизни, возвращение к природе. Их могилы просты, покрыты густой травой, без гранитных плит, памятников. Память об этих людях выражается не в предметах – она остается в сердцах потомков. Связь поколений становится темой многих произведений поэтов-эмигрантов. В стихотворении М. Щербакова «Женьшень» рассказывается о том, что китайцы, следуя обычаю выкапывать женьшень в особое время, поклоняются и молятся своим праотцам о благословении и успехе.

А в мглистый час Быка, созвездиям покорен,
С молитвой праотцам бери олений рог,
И рой таинственный, подобный людям, корень
[5, с. 664].

Поэт говорит, что выкапывать корни женьшеня необходимо в час Быка. Час Быка – это конкретное время зодиакального созвездия в древней китайской традиционной системе, обычно это ранние утренние часы, которые считаются «мрачными часами» [8, с. 133]. Фраза «с молитвой праотцам бери олений рог» отсылает к китайской церемонии поклонения. Олений рог считается священным символом тайной силы природы и используется для передачи молитв и обращения за помощью к мудрости предков.

Под влиянием конфуцианства китайские семейные ценности приобретают большое значение. Отражение этой мысли находим в стихотворении «Заблудившийся аргонавт» В. Перелешина, поэта, хорошо знакомого с традиционной китайской культурой. Данное стихотворение примечательно еще и тем, что в нем интересно преломляется тема «своего-чужого». Стихотворение начинается с признания лирического героя в открытости всему миру во всем его многообразии [11, с. 195]. Здесь можно усмотреть следование традиции символистов, в частности, В. Брюсова. Известно, что символизм оказал существенное влияние на формирование поэтического мира В. Перелешина. Строки поэта перекликаются со строками В. Брюсова из известного стихотворения «Я»:

В. Перелешин:
Я широк, как морское лоно:

Всё объемля и всё любя,
Все заветы и все знамена,
Целый мир вбираю в себя [4, с. 73].

В. Брюсов:
Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих [2].

В данном случае нам важно не просто указать на аллюзию, присутствующую в строках поэта-эмигранта. В них, как и в поэзии символиста В. Брюсова, утверждается идея множества культур и открытости лирического героя к их восприятию. Однако в стихотворении В. Перелешина эта идея обрастает новыми смыслами. Душа лирического героя словно ищет приют:

Но, когда бы ведать, что с детства
Я с Китаем был обручен,
Что для этого и наследства,
И семьи, и дома лишен, –
Я б родился в городе южном –
В Баошане или Чэнду... [4, с. 73].

И далее лирический герой пытается представить возможный вариант своей жизни, если бы он был рожден китайцем, то есть представлял бы иную культуру, а значит был носителем и иной судьбы:

Мне мой дед, бакалавр ученый,
Дал бы имя Свирель Луны,
Или строже: Утес Дракона,
Или тише: Луч Тишины.

Под горячим солнцем смуглея,
Потемнело б мое лицо,
И серебряное на шее
Все рельефней было б кольцо.

И, как рыбки в узких бассейнах
Под шатрами ярких кустов,
Я бы вырос в сетях затейных
Иероглифов и стихов [4, с. 73].

В стихотворении рассказывается, что учёный-дедушка лирического героя дал бы ему возможное имя – «Свирель Луны» (月笛), «Утес Дракона» (龙岩), «Луч Тишины» (静光). Наречение ребенка его дедушкой – это традиционный для китайской культуры ритуал. Имя может заключать в себе глубокий культурный смысл, восходя к поэзии или природе. Этот обычай именованья отражает веру китайского народа в лучшее будущее своих детей, также значим здесь и тот факт, что китайцы придают большое значение традиционной семейной культуре. Тема «времен года» в поэзии дальневосточных поэтов-эмигрантов приобретает ориентальную специфику, выражает текучесть времени, идею перехода из одного состояния в другое [3].

Время в традиционной восточной культуре почти всегда напрямую соотносится с временем года, а принципом для их определения является традиционный китайский календарь. В стихотворении «По китайскому календарю» А. Паркау описывает сезонные изменения в Китае, рисует природные сцены, особенно привлекает ее начало осени (Лицю立秋). В китайском лунном календаре начало осени обычно приходится на начало августа, знаменуя собой постепенное завершение лета и начало нового этапа. В начале стихотворения поэт обращается к символическим образам, таким как бирюзовый и золотой ковер, риза из сверкающих цветов, сеть радуг, появляются упоминания цветов (георгины и табак), которые означают изобилие, символизируют процветающее лето:

Бирюзой и золотом пронизан,
Выткал август пышные ковры,
И цветов сверкающая риза
Сетью радуг блещет и горит.

Никогда так прочен и роскошен
Не казался летних дней наряд.
Георгин все царственнее ноша,
Табак таинственной обряд [5, с. 513].

Однако постепенно в стихотворении появляются детали, указывающие на приближение сезонных изменений. Атмосфера ночи свидетельствует о переменах, происходящих в начале осени. В частности, упоминание «черных птиц», «страшной, багровой и ущербной луны» и «увядших листьев», создавая даже какую-то зловещую атмосферу, говорят о том, что близится конца лета.

И влюбленной радостная алость
Красных роз и розовых гвоздик...
Но я знаю, лето вдруг сломалось.
Этой ночью слышала я крик.

Пронеслась над зарослью садовой
Черных птиц сплошная пелена,

И зловещей, страшной и багровой
Поднялась ущербная луна.

Этой ночью бились в диком страхе
Бабочки в оконное стекло
И на клумбе, как на тайной плахе,
Белых астр созвездье расцвело.

Этой ночью в сочных ветках вяза
Первый лист поблекший изнемог,
Этой ночью лето кто-то сглазил
И на гибель черную обрек [5, с. 514].

Описывая упадок, когда середина лета переходит в начало осени, поэтесса намекает на несчастье, принесенное японскими захватчиками: «на гибель черную обрек».

Утром ходя, шумен и несносен,
Мел дорожку, щурясь на зарю,
И сказал, что наступила осень
По китайскому календарю [5, с. 514].

В этом стихотворении А. Паркау судит о временах года, основываясь на традиционных китайских календарных обычаях. В целом это стихотворение отсылает к китайскому термину «начало осени», которое описывает, с одной стороны, процветание и конец летней природы, а, с другой, – изменения, вызванные началом нового времени года. В нем отражено восприятие естественных изменений в традиционной китайской культуре.

Таким образом, в поэтических текстах русских дальневосточных эмигрантов изображены многие традиционные для Китая праздники и обычаи: китайский Новый год, поклонение и молитвы богам, уважение предков, наречение новорожденных и др. Такое внимание к китайской культуре говорит о глубокой любви поэтов к этой стране, дает читателям возможность узнать о ее богатстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Традиции символизма в цветописии М. Визи // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 75–82.
2. Брюсов В.Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель. 1961. 910 с.
3. Жарикова Е.Е. Ориентальные мотивы в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/orientalnye-motivy-v-lirike-poetov-russkogo-zarubezhya-dalnego-vostoka> (дата обращения: декабрь 2023).
4. Крейд В.П. Все звёзды повидав чужие: предисловие // Русская поэзия Китая: антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
5. Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Т. 2: Паровозы гудят у Цицикара / Составитель тома Мяо Хой. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. 706 с. 齐齐哈尔火车声声 / 苗慧编. 北京: 中国青年出版社, 2005年, 706页 (中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编).
6. Мяо Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. 178 с.
7. Мяо Хуэй. О поэтических темах русских эмигранции в Китае // Вестник Цицикарского университета. 2002. № 6. С. 12–15. 苗慧. 论中国俄罗斯侨民诗歌题材 // 齐齐哈尔大学学报, 2002年第6期, 12–15页.
8. Свирская И.А. Основные темы, мотивы и образы литературы русского зарубежья дальнего востока: русская литература в Китае // Труды СПбГИК. Т. 222. СПб.: СПбГИК, 2021. С. 128–137.

9. Таскина Е. «Неизвестный Харбин» М.: Прометей, 1994. 160 с.
10. Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга: Издательство «Полиграф-Информ», 2003. 416 с.
11. Хэ Тинтин. Образ Китая в поэзии В. Перелешина / С.В. Бурдина, А.А. Арустамова, Хэ Тинтин // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 186–199.
12. Хэ Тинтин. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.) / А.А. Арустамова, Б.В. Кондаков, В.А. Филимонова, Хэ Тинтин; под редакцией А.А. Арустамовой, Б.В. Кондакова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь: ПГНИУ, 2021. С. 152 с.

© Бурдина Светлана Викторовна (svburdina@gmail.com), Хэ Тинтин (heting120@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»